

— Северный ветер, спутник всех Йети, — бормотал Роман Трофимович Баринов и улыбался дурацкой фразе, пришедшей к нему во сне. Других поводов для радости у него не было. Вода в доме плескалась на уровне плинтусов и поднималась с каждым часом на пару миллиметров. Колеса инвалидной коляски были на треть погружены в воду.

Котя, согревавший одиночество Баринова, был рядом с ним. Сначала Котя сидел возле люка в полу, словно собирался порыбачить, но потом он забрался на спинку дивана и смотрел на окружающий мир выпученными от ужаса глазами, и мест своей дислокации не менял.

Жили так уже пять дней, перебиваясь случайной едой и случайными новостями.

Батарейки Бариновского смартфона сели от беспрестанных звонков дочери, а зарядить его было невозможно, так как электричество предусмотрительно отключили. Заботливые соседи Баринова опустошили его холодильник и положили агрегат на бок на дубовом столе.

Роман Трофимович уже неделю питался только китайской лапшой, бутербродами и кефиром, которые на лодке привозила ему по вечерам Маринка Хлопова.

Из всех развлечений у Романа Трофимовича остался радиоприемник на батарейках, Котя, водка, привозимая той же

Маринкой, и унылый вид из окна. Он видел, как бабы шли домой в костюмах химзащиты и несли бутылки с питьевой водой, как ездили по улицам эмчезники, выясняя нет ли желающих эвакуироваться, видел, как вынесли на брезенте из соседского дома умершего инсультника Борискина. А больше никаких новостей.

Баринов смотрел в окно, и в его голове роились тоскливые мысли. Неожиданно по дороге, поднимая высокую волну, проехал военный грузовик. Огромные борта заканчивались где-то выше окна дома Романа Трофимовича, и он, даже привстав на инвалидном кресле, не смог разглядеть машину получше и оценить ее размеры. Волна ударила в ворота Баринава.

— Эх, Котя, — сказал диванному жителю Роман Трофимович, — снесут мне и забор, и ворота эти чертовы спасатели!

Котя благоразумно промолчал, он был лоялен к представителям власти. Просидели до вечера молча, слушая хлюпанье воды в доме да ловя радиоволну МЧС. Когда Роман Трофимович уже отчаялся получить хотя бы какую-то новую информацию, на моторной лодке к дому Баринава приплыла корреспондент с любительской камерой. Баринов смотрел в окно с улыбкой: такой цацы он давно не видел. На яркой желтой жилетке — надпись с логотипом телеканала, на голове такая же желтая шапочка. Девушка с густо намазанными губами улыбочиво махала ему рукой. Баринов потянулся к окну, дернул за шпингалет, покачал туда-сюда створку и открыл ее. Запах стоячей воды и бензина ударил ему в нос.

— Добрый вечер. Вам чего надо? — спросил он.

— Вы Баринов? Мне надо интервью взять, — сказала девушка весело. — Меня Катя зовут, Малышкина, я с ВГТРК.

— Не, я не хочу, — помотал головой Роман Трофимович и махнул на нее рукой, мол, уплывай.

— Зря вы так, соглашайтесь! Я узнала в администрации, что вы инвалид, и вы отказались эвакуироваться.

— Не отказывался я, про меня забыли, — сказал сварливо Баринов.

— Тем более! — запротестовала девушка. — Пусть все видят, какое у нас в стране отношение к инвалидам!

Баринов стал закрывать окно, но девушка снова закричала:

— Я вам покушать привезла, только не знаю, как передать. Тут термос с супом и второй термос с кашей перловой.

— Ко мне вечером приедет соседка, у нее костюм химзащиты есть, она в нем в дом проходит и приносит еду. Ей отдайте. Ее фамилия Хлопова, — сказал Баринов и закрыл окно. В волнении он даже не спросил, прибывает ли вода и что власти решили делать дальше. Малышкина покрутилась на лодке, чуть не перевернувшись, оттолкнулась веслом и поплыла обратно.

По радио транслировали веселые песни, рекламу и юмористические программы. О наводнении говорили раз в сутки, и информация всегда была вчерашней, как щи у ленивой хозяйки.

Баринов вздыхал и читал «Окаянные дни» Бунина, закладывая страницы старым лотерейным билетом, который ему напоминал о неадекватности удачи.

К вечеру Котя начал завывать. Его утробный голос тревожил Баринава сильнее, чем прибывшая за сутки на пять сантиметров вода. Котя наконец-то захотел жрать. Все два дня он не ел, чувствуя приближение

смертушки, но теперь отчего-то решил побороться за свою жизнь. Он хотел мяса, рыбы, молока, на худой конец, сухого корма.

— Молчи, Котя, — взмолился Баринов, — ничего у меня нет.

Кота было не так-то просто смутить. Как истинный борец за свои права, он выл, вынимая душу из Баринова. Баринов подъехал к дивану, создавая мелкую волну и, взяв Котю на руки, принялся его гладить, но такая замена ужину Коте была не по нутру, он оцарапал хозяина и прыгнул обратно.

Когда окончательно стемнело, пришла Марина в огромном резиновом комбинезоне с капюшоном, с ненужным респиратором, болтавшимися на груди и с фонариком на лбу. Она в очередной раз пожаловалась на жизнь: до паводка костюм химзащиты продавался в магазине спецодежды за три тысячи, а теперь стоил почти десятку. Хлеб и спички подорожали, мясо с рынка пропало. Кому война, а кому мать родна...

Однако Хлопова принесла не только привычные бутерброды и кефир. Вытащив из сумки два термоса, буханку хлеба и бутылку водки, она прокомментировала:

— А от главы поселка вам привет и даже свечки.

Поискав в комнате подсвечник, она разочарованно вздохнула и, насыпав крупы в пустую пол-литровую банку пшена, всунула туда парафиновый столбик свечи. Зажгла его и села на влажный диван. Стало немного уютнее, по воде на полу пробежали яркие блики. Баринов засмеялся, жуя кусок свежего хлеба.

— Капец какой-то в городе. Эмчезники пьяные жгут костры на площади, варят кулеш. Катаются по всему поселку на машинах, забор у Громовых сшибли, спасатели, блин.

— Что говорят про воду? — спросил Баринов, хлебая суп и давая коту смоченный в супе хлебный мякиш.

— Говорят, что начала спадать.

— Что-то незаметно, — хмыкнул Баринов, — у меня поднялась вон в доме.

— Пристройка ваша из пеноблока на фиг отвалится от деревянной части, глина от стен отпадет, штукатурка тоже. Капец дому, — пессимистично заметила Маринка, в ее речевом арсенале, видно, не было более яркого приличного слова для обозначения всего происходящего. — Что делать будете?

— Не думал пока, — пожал плечами Баринов.

— Может, к сестре поедете? — с надеждой спросила Маринка.

— Нужен я ей! — снова хмыкнул Баринов и принялся ворковать с Котей, кормя его остатками супа из своей же тарелки.

— Что вы делаете? Ну, не гигиенично же! — возмутилась Маринка.

— Ты больно-то о гигиене думаешь? — спросил Баринов. — Мне про тебя рассказала Петровна по телефону вчера, как ты со спасателями...

— Мне зарабатывать надо, — высказала зубы Маринка. — Петровна что ли меня кормить будет или моего охладомона? Была бы помоложе, сама бы поскакала, да только годы ее вышли.

— Не злись, — примирительно сказал Баринов.

— Звонят вам, сочувствуют. И это помощь? Где же порядочные помощнички? — продолжала злиться Марина. — А?

Она картинно заглянула за диван и приподняла с боку лежавшую подушку.

Баринов молчал.

— Вот не буду к вам ходить и что? — спросила Марина уже тише.

— И ничего, похудею, но не сдохну. Вода и вправду скоро сойдет. А вообще, спасибо, что ходишь. Не обижайся на старика.

Марина встала, вздохнув, засунула оба опустошенных термоса в сумку, прошла по комнате, разгоняя воду, подошла к зеркалу вплотную и пригладила мизинцем брови.

— Капец, мешки под глазами, — сказала она. — Можно я у вас подрыхну пару часов?

— Можно, — сказал Баринов, — но темно уже, как назад поплы-вешь?

— Как русалка, — засмеялась Маринка и пошлепала в кухню. Там стоял диван на кирпичных подставках, на котором она и уснула, предварительно сняв комбинезон.

Баринов за ней не двинулся, решив, что Маринка о себе позаботит-ся сама. Он давно не мог пробраться в кухню из-за того, что коляска не проезжала в узкий дверной проем, но если раньше он ковылял туда на костылях, то теперь боялся замочить ногу.

Роман Трофимович не представлял общий масштаб разрушений дома, в котором прожил всю сознательную жизнь, и старался об этом не думать. Дом был старый, деревянный, с тонкими стенами и всегда, даже в детстве, казался Баринову неудобным. Большие проходные комнаты, узкие высокие окна. Дом опровергал собой миф о том, что деревянные строения — теплые. Он был построен из тонких досок в заборку, обмазан глиной. Хотя зимой котел включали на полную мощность, в худом доме тепло не задерживалось. Заботливый зять заменил все деревянные окна на современные, пластиковые, чердак утеплил пеноплас-том, но одно окно оставалось деревянным. Баринов его называл «Коти-но окно», так как через него Котя выходил на улицу и возвращался об-ратно. Из-за кошачьих променадов горе-строители не придумали, как сделать нестандартную форточку, и окно оставили в прежнем виде. На зиму Баринов завешивал его толстым ватным одеялом, у него для этого и гвозди по периметру рамы были прибиты. Не до красоты, зато теплее.

Дочь и зять часто уговаривали Романа Трофимовича продать семей-ную халупу, но Баринов был против. Перспектива переселиться в дом престарелых его не радовала. Сестре в Курске он был не нужен, а с доче-рью не ужился бы, потому старик дал себе зарок дожить свои дни в ха-лупе.

При свете свечи Баринов откупорил бутылку водки и налил себе в стакан треть. Отпил, долил снова и незаметно выпил в одиночестве пол-бутылки.

Наутро он проснулся, едва забрезжил свет, и по привычке, кото-рая выработалась у него за эту неделю паводка, посмотрел на уровень воды. Вода медленно убывала. Баринов крикнул новость Маринке, разбудив ее.

Непутевая девица радостно распила с Бариновым остаток водки, не-смотря на утро, и весело похлопала к себе домой, рассекая волны.

Через три дня вода ушла полностью, оставив в доме ил, мусор, за-пах гнили и полное уныние. Колеса инвалидной коляски плохо крути-лись, Роман Трофимович понимал, что виной тому не только вода, в которой он просидел больше недели, но и сама дешевая коляска, выдан-ная отделом соцзащиты. Починить ее самостоятельно Баринов не мог, и стал совсем беспомощным. Попробовал было передвигаться с косты-

лями, но они скользили по илу, и он два раза упал, попытавшись выйти в туалет.

Как только вода спала, в тот же день к инвалиду потянулись ходоки: корреспондент местной газеты, соседи, представитель главы городского поселения и даже библиотекарь, на которую возложили обязанности подворного обхода с целью сбора заявлений и жалоб. Всем он говорил о своей сломанной коляске и получал свою толику бездеятельного сочувствия.

В пятницу пришла комиссия по оценке ущерба. Три толстых тетки в резиновых сапогах с электронными планшетами в руках охали и фотогографировали.

— У вас дом застрахован? — спросила специалист администрации.

— Нет.

— Почему?

— Страховка моего дома составляла одиннадцать тысяч, а у меня пенсия четырнадцать, — пояснил Роман Трофимович.

— Глава поселения Вахтин Дмитрий Сергеевич сказал, что если дом не был застрахован, то матпомощи вы не получите, зачем строились в подтопляемой местности? — агрессивно сообщила специалист.

— Ну и ладно, — пожал плечами мужчина. — Но я тут не строился, дом этот родительский. А паводка двадцать семь лет не было.

Комиссия переглянулась, такой реакции они совсем не ожидали. Во всех домах, которые они посетили на этой улице, их встречали проклятьями и воплями. А тут сидел одноногий старикан, который не высказал ни малейшей просьбы, да еще и откровенно насмеялся над ними.

— Ну, можно привлечь депутатов к решению вопроса, Роман Трофимович, — сказала вторая тетка. — Не все потеряно.

— Пусть моя матпомощь Вахтину пойдет, если ему мало, — покивал Роман Трофимович и развернулся на коляске спиной к женщинам. Комиссия потопталась-потопталась и вышла.

После комиссии пришла Маринка Хлопова и до полуночи вывозила грязь, чертыхаясь и матерясь. Она убрала только в комнате и в коридоре, но теперь Баринов мог хотя бы доковылять на костыле до туалета. Хлопова и Баринов распили бутылку водки, отпраздновав окончание паводка.

Утром из Ростова-на-Дону приехала дочь Леночка, бесцеремонно выгнала Маринку и со слезами и причитаниями обрушилась на отца.

— Что ты за человек такой! Не мог сообщить, позвонить! Я узнала по телевизору, что поселок затопило, потом смотрела в интернете — а там ваш борец за правду Костюков видеоролик выложил, с дрона все заснял. На ролике увидела наш дом, господи! Я давай звонить тебе — ты трубку не берешь. Я в администрацию давай звонить — они говорят, что ты отказался от эвакуации! Ясно почему — водку тут со всякими шалавами пить! Как тебе не стыдно! Ты же инвалид, на возраст свой посмотри!

Роман Трофимович ласково смотрел на дочь и улыбался, словно не слышал ее оскорбительных слов.

— Ну что ты улыбаешься, что ты улыбаешься! Ты знаешь, как мне трудно с работы отпроситься? Ты знаешь, как мне тяжело до тебя добираться! — причитала Лена, уже смягчившись, поглаживая его небритую щеку. — Я тебя заберу к себе, там решим, что будет.

— Нет, доченька, я никуда не поеду, — сказал Роман Трофимович, — даже и не думай!

Полтора месяца Роман Трофимович пожил у дочери в Ростове-на-Дону. Мимо него прошли все дразги и мытарства, связанные с последствиями паводка. Лена предпочитала не говорить с отцом на эти темы, и только пару раз на его вопрос, когда же ему позволят вернуться в поселок, махнула неопределенно рукой.

Роман Трофимович любил Лену и своего тихоню-внука Трофима, названного в честь прославленного прадедушки, вполне уживался с зятем, но его тянуло домой, в неустроенный быт.

Ворчливый зять написал в несколько инстанций жалобы на невнимательность властей, на необходимость замены инвалидной коляски, сильно истратился на ремонт дома. Дом Баринова был ему совсем не нужен, и о своем бескорыстии зять регулярно напоминал Леночке. «Все в отпуск в Турцию едут, а я ремонт у тестя делаю!», — повторял он в телефонных разговорах.

Леночка уже была ничему не рада: ни капризному отцу-диабетику, ни хлопотливому, но озлобившемуся мужу. А более всего ее расстроил новый кредит, взятый на ремонт отцовской халупы.

«Вот сидит отец, улыбается, кота гладит, и не думает, за чей счет вообще эти все проблемы решаются. У диабетиков не только кровь как кисель сладкая, у них и с мозгами не все хорошо. Знакомый эндокринолог говорила, что у диабетиков происходят необратимые изменения с психикой. Просто жуть. Ну как мы будем жить дальше, в этой двушке, за которую еще пять лет ипотеку платить? Хорошо, что он еще не инсулинозависимый, пьет какие-то таблетки. А что, если его колоть надо три раза в день? Вот Люция забирала бы его к себе. И коротали бы век два старика. Да еще Марина Хлопова привязалась к нему, а ведь одноклассница моя, постыдилась бы!» — так раздумывала Леночка, но ни с кем не делилась мыслями.

Однако тревога подтачивала ее, и в один прекрасный день Леночка спросила отца:

— Папа, не пойми меня превратно, но скажи мне, пожалуйста, за чем эта Маринка Хлопова к тебе таскается? Что у тебя с ней?

— Ничего, — пожал плечами отец. — Таскается и таскается. Пропадающая девчонка, конечно, но добрая.

— Папа, — укоризненно покачала головой Леночка, — просто так никто таскаться к тебе не будет. Ей что-то надо от тебя. Ты ей обещал дом переписать на нее?

— Нет, — удивился отец, — с чего ты взяла?

— Перебираю ее возможные мотивы, — цинично ответила дочь. — Я ж не могу заподозрить тебя в любовной связи с ней.

— Ну, это ты зря, — попробовал вяло отшутиться Роман Трофимович. — Старый одноногий конь борозды не портит.

— Вообще не смешно! — фыркнула Лена.

Лена перестала спрашивать о Маринке, но Баринов задумался, а что, если и вправду его Мария Магдалина ходит к нему неспроста? Конечно, он ей занимал тыщонку-две, и она почти всегда возвращала, но... А вдруг права Лена?

Баринов наслаждался общением с внуком, наверстывая упущенное за время двухлетнего скитания по больницам до и после ампутации. Трофим рос добрым и плаксивым. В детском саду ему доставалось от сверстников, а дома — от отца, который укорял Трофима за то, что тот не

может дать сдачи обидчику и распускает нюни из-за любого синяка. Теперь, когда зять был в отъезде и занимался ремонтом, Трофима никто не наказывал и не ругал. Он стал спокойнее, доверчивее. Часто приходил к деду, влезал ему на коленку, не обращая внимания на дедово увещье, и тихо шептал свои секреты на ушко.

— У меня есть такая мечта, деда, — говорил мальчик, — иметь волшебный ларчик. Я бы его открывал и давал каждому из ларчика то, что ему было бы нужнее всего.

— А что бы ты хотел себе? — спрашивал удивленный дед.

— Ничего, ведь у меня уже был бы ларчик.

Роман Трофимович гладил внука по голове, а сам пускал украдкой слезу, потому что понимал, что внуку придется в этой жизни непросто, потому что нынче надо иметь не мечту о волшебном ларчике, а мечту о волшебной дубинке, что отлупит и прогонит всех обидчиков.

Наконец ремонт в доме Баринаова был закончен, старика и его растолстевшего Котю вернули в родные пенаты. Леночка удовлетворенно вздохнула, раз отец решил уехать — так тому и быть.

Роман Трофимович приятно удивился цветению вишен и зеленой травке на обочинах дороги, развороченной армейскими машинами. Двор халупы был очищен от мусора, и только на заборе и воротах сохранилась серая полоса, как напоминание об уровне стоявшей воды. В доме все еще пахло сыростью, хотя продолжали обогрывать комнаты. Зять обстоятельно рассказал Баринаову, что и как он сделал в отсутствие хозяина, да Роман Трофимович и сам видел новые обои и линолеум, свежеекрашенные дверные коробки без разбухших дверей.

Администрация поселка кинула как подачку жалкие двадцать тысяч каждому пострадавшему подворью, но их не хватило даже на штукатурку и вывоз мусора. Все соседи Баринаова подали коллективный иск в суд, ссылаясь на то, что паводковая ситуация была усугублена действиями главы поселения Вахтина. Ни для кого не было секретом, что он, будучи владельцем каскада прудов, поднял плотины, и освободившиеся мегатонны воды хлынули по полям в реку, что значительно подняло уровень паводковой воды. На соседних улицах тоже было неспокойно, жители готовились к судам.

Поселок жужжал, как улей: признают ли за главой вину или нет? Кто будет гасить ущерб населению?

Роман Трофимович слушал новости от приходивших к нему соседей-агитаторов, кивал им и улыбался, понимая, что людям надо о чем-то говорить, давать выход накопившейся обиде и злости. Сам же он отказался от участия в судебных процессах и даже выставил вон общественного мстителя Костюкова, который пришел его укорять, обозвав старика штрейкбрехером. Однако остаться в стороне от скандала Роману Трофимовичу не удалось.

В одно солнечное майское утро на пороге дома Баринаова появилась та же журналистка Катя Малышкина и депутат областной думы от партии «Единая Россия» — Марков. Они привезли Роману Трофимовичу новую инвалидную коляску. У Баринаова взяли большое обстоятельное интервью, сделали несколько фотографий крупным планом для новостного портала и засняли видеосюжет, после которого Леночка позвонила отцу и сказала:

— Какой же ты неблагодарный! Я, конечно, понимаю, что мы для тебя никто, но мог бы и не говорить такой верноподданнической ерунды на камеру. Просто перед родственниками стыдно и перед соседями!

Леночка бросила трубку, оставив Барина в полном недоумении. Он нашел видеосюжет в Интернете и просмотрел его в гробовом молчании. Радостным голосом корреспондент Малышкина прокомментировала страшные кадры паводка, а затем — кадры с отремонтированным домиком инвалида Барина, указав, что на ремонт была израсходована материальная помощь, выплаченная из областного бюджета. Торжественное вручение депутатом инвалидной коляски одиноко живущему в поселке инвалиду Барину было бессловесным, но сопровождалось приятной музыкой. Барин глупо и благодарно улыбался Маркову и корреспондентке. Барин трясущимися руками выключил ноутбук и поехал в кухню пить цикорий с сахарозаменителем.

На следующий день к нему пришла Маринка Хлопова и спросила:

— Ну как оно ваше ничего?

— Прославился, — процедил сквозь зубы Барин.

Маринка постучала по поручню новой коляски и вынесла вердикт:

— Хлипкая коляска. Китай. Скоро ей капец.

— А твои дела как? — попытался перевести разговор на новую тему

Барин.

— Нормас, я замуж выхожу, — сказала развязно Маринка и покраснела.

— Ну, удивила, поздравляю, — сказал Барин.

Маринка неожиданно окрысилась:

— Чо, думали, что я совсем подзаборная? Никто не возьмет меня уже? Мол, таскалась со всеми подряд?

— Да что ты, что ты! — Барин взял Марину за руку, но та выдержала ее и заплакала.

— Знаете, что ваша Лена про меня говорила всем соседкам? А что она лично мне говорила? — Маринка плакала и вытирала нос рукавом ветровки. Тушь с ее густо накрашенных глаз потекла и размазалась. — А мне просто вас жалко, вот и все. Я ж помню, как вы нас в пионеры принимали, как мы в походы ходили. Все повзросли, успешные стали. А я что? Отрепье? Будто я виновата, что папана мой бухал да по пьянке соседа ножом пырнул, а мать была уборщицей в больнице и тоже бухала, домой спирт дармовой носила. Брата споила...

Маринка села прямо на пол и плакала, слегка подвивая, размазывая по щекам черные полосы. Барин что-то бормотал утешающее, но она не слушала. Потом успокоившись, словно закончились все накопившиеся слезы, Маринка встала и сказала:

— Хватит реветь, толку-то... Живите, как хотите. Я в Калугу уезжаю. Замуж меня берут, с ребенком, между прочим. Работать буду на автомобильном заводе. Простите меня, если что...

— Мариночка, — беспомощно сказал Роман Трофимович, — ты хоть напиши, как устроишься, ладно?

Но Марина только махнула рукой и вышла вон.

* * *

— Папка, привет, — извиняющимся тоном сказала Леночка в телефонном разговоре, — как ты там? Какой у тебя сахар?

Барин обрадовался, что дочь уже не злится. В самом деле — не чужие же люди! Мало ли что по телевизору наврали...

— Сахар? Ну... Семь и восемь.

— Папка, ты когда мерил сахар в последний раз? — строго спросила дочь.

— Сегодня утром до завтрака, — соврал отец.

— Вот что, — сказала так же строго Леночка, — как бы мы с тобой ни ссорились, но так не годится. Вообще, непонятно, почему до сих пор ты на таблетках, а не на инъекциях. Это страшное упущение. И опять же диета... Ты же ее не соблюдаешь!

Баринов положил смартфон на стол и подпер руками голову. Он не любил, когда его воспитывала его собственная дочь. Конечно, она была во всем права, но слушать нотации он не собирался. Когда поток слов иссяк, он ухватил вопрос Леночки.

— Ты меня не слушаешь? — спросила она.

— Слушаю, конечно, но не знаю, что и сказать тебе.

— В общем, папка, тут такое дело... К тебе мама вернется, ну то есть твоя жена.

— Не-не-не! — запротестовал Баринов. — Мы так не договаривались!

— Понимаешь, ты же не можешь жить совсем один, без ухода. Без заботы, — начала выкладывать свои обстоятельные доводы Леночка.

— Лена! — прервал ее громко Баринов. — Если Галина вернется, имей в виду — я уйду в дом престарелых. Так и знай, я с ней на одном километре не сяду...

— Какой же ты грубиян! Какой же ты неблагодарный! — закричала дочь. — Ты в бомжа скоро превратишься. Кто тебе готовит? Кто лекарства покупает? Кто стирает и убирает?

Баринов отключил смартфон и поехал в кухню пить цикорий с сахарозаменителем. Он трясущимися руками налил воды в чайник, пролив на пол, не мог насыпать из колбочки таблеток сорбита и бросил колбочку на стол.

Конечно, Лена была права. Пол в кухне и комнате он мыл раз в неделю, возя тряпкой, напяленной на механическую швабру. В углы он этой шваброй не доставал, под кроватью оставалось тоже много пыли, но зато стирку он себе устраивал по субботам, стиральная машинка работала без особых проблем. Сухое белье он не гладил, но штопал регулярно, и все его четыре клетчатые рубашки выглядели достойно. С покупками он тоже справлялся, подъезжая к маленькому магазину «Авоська», Баринов отдавал деньги выходящей к нему продавщице, и та по списку выносила покупки, вместе со сдачей.

В ближний супермаркет Баринов ходить не мог, из-за вертушки турникета на входе, и хотя сбоку был пандус, это выглядело как изощренное издевательство.

С лекарствами было труднее. В больнице после ампутации ему кололи три дня инсулин, но по приезде домой Баринов достал ящик бесплатного диабета ипил его по мудреной схеме, занимаясь самовнушением. Он не хотел торчать в поликлинике в очередях за рецептами инсулина, искренне ненавидя бюрократические препоны, презирая себя за немочь и невозможность доехать на инвалидной коляске через весь поселок в поликлинику. В отделе соцзащиты Роман Трофимович стыдился просить о помощи, но теперь, когда над ним нависла угроза возвращения домой Галины, он всерьез задумался: а не лучше ли будет, если заботу о нем возьмет на себя проходящий сотрудник?

Баринов прятался в доме как улитка в раковине, желая, чтобы его

оставили в покое. Он не хотел видеть никого, кто напоминал бы ему об увечье, он ненавидел сочувственные и брезгливые взгляды, а потому отклонял редкие приглашения на чаепития в библиотеку и на встречи общества инвалидов. Он не жаловал волонтеров, которые о каждой вымытой тарелке писали сообщения в местную газету. В общем, в глазах окружающих он снискал славу социопата. Единственным человеком, о котором он скучал, кроме внука Трофима, была Маринка Хлопова, но та после отъезда в Калугу ни разу не написала и не позвонила.

Баринов был обузой дочери, теперь ему предстояло стать обузой бывшей жены, но ничего не мог поделать с этим и малодушно ждал, когда все разрешится само собой, и он предчувствовал, что ждать недолго: в своей ампутированной ноге Баринов чувствовал фантомное покалывание, а палец на второй ноге уже чернел.

* * *

Галина приехала через день после разговора с Леночкой. Она была сурова, молчалива и деловита, ничего не объясняла и делала вид, что будто бы и не уходила. Она заправила глюкометр новыми пластинами, больно и бесцеремонно уколола палец Романа Трофимовича. Глюкометр показал пятнадцать единиц.

— Так я и знала, Чумичка ты этакий! — с невыразимым презрением сказала она и вызвала «скорую помощь». Пока Галина рылась в шкафу в поисках чистого белья для больницы, Роман Трофимович, смирившись с тем, что его снова прозывают домашним прозвищем Чумичка, достал из комода паспорт, полис и СНИЛС. К обеду он уже лежал в терапевтическом отделении районной больницы, а старый знакомый — Алексей Федорович — укоризненно на него смотрел.

— На что жалуюсь, Рева? — спросил он, присаживаясь на краешек кровати.

— На то, что я больше не субъект, а объект. Меня изымают из моего дома, привозят за тридевять земель, укладывают как чурку в поленницу... И все для моего же блага.

— Тут ты не прав, Рева, — похлопал врач по руке пациента. — В твоём положении ты теперь человек подчиненный — и семье, и врачам. Раз не хочешь лечиться — мы тебя заставим. Вот покапали тебе, а ты порозовел, посвежел. Лежишь яко агнец, только взбрыкиваешь. Тут и медсестры знакомые, и няньки, и обезболим, если потребуется.

— Я здоровую ногу не чувствую, — пожаловался уже серьезно Роман Трофимович. — Только в обрубке ноги фантомные боли.

— Плохо, — покивал врач и ушел.

Потекли серые будни с капельницами, уколами, овсяной кашей на завтрак, куриного супа на обед и минтая на ужин. Баринов лежал возле окна, что считалось козырным местом, и наблюдал, как мимо него проходит лето. Галина его не навещала почти неделю, она оформляла бумаги на получение инсулина на дому. На ее плечи легла беготня по медицинским чиновникам. Оказалось, что Баринов нечувствителен к определенной марке инсулина, и процедуру оформления пришлось повторить. Роман Трофимович перечитал от скуки «Белые одежды», всю серию про Волкодава и даже кусок про Ведьмака. Но Сапковский ему не пошел впрок, факты о гуситских войнах перемешались в голове, оставив неприятное ощущение, что память у Баринова стала слабее.

— Алексей, скажи, а снижение интеллекта для диабетиков — норма? — спросил он полушепотом однажды вечером.

— Тут много мнений, — уклончиво сказал Алексей Федорович, — да и зачем тебе голова теперь-то, на старости лет? В телевизор смотреть мозгов хватит.

— Я книгу не дописал, — уныло вздохнул Баринов.

— Сколько я тебя знаю, ты эту книгу пишешь, — засмеялся Алексей. — Люция вон сколько добилась, а ты... Ты всегда был более одаренным. Отчего же не стал знаменитым?

— Стал, — усмехнулся Баринов, — спроси у любого, знают ли они одного мудака, которому за счет бюджета дом отремонтировали — каждый в поселке на меня покажет.

Когда Баринова выписали, он с неудовольствием встретил дома не только бывшую жену, но и сестру. Люция растолстела, сделала себе «брежневские брови», вместо химической завивки на ее макушке красовались пергидрольные локоны, собранные в пучок.

— Зачем приехала? — с неудовольствием спросил он сестру.

— Так-то ты встречаешь меня! — засмеялась Люция и поцеловала его в лоб, оставив отпечаток красной помады, который тут же затерла ладонью.

Она тут же защебетала обо всем и ни о чем: как можно бы устроить Ревочку в Курский диагностический центр на обследование, притом совершенно бесплатно, как Ревочке нужно срочно в Кисловодский санаторий для диабетиков, как ему бы завести себе молодую сиделку. Галина слушала ее, нервно теребя фартук и сдерживая колкости, просившиеся на язык. Роман Трофимович морщился и молчал. Он ждал, когда Люция сообщит истинную цель своего приезда.

На следующее утро Люция сварила себе в закопченной кастрюльке кофе по-турецки, заляпав при этом всю плиту, села напротив брата и спросила:

— Ревочка, а скажи мне, ты с Галиной тогда... оформил развод?

— Нет, мы до сих пор не разведены, — с неудовольствием ответил Роман Трофимович.

— А что с документами на дом? — продолжила Люция вкрадчиво.

— Изменений нет. Отец его мне завещал, на меня дом и оформлен, — снова пояснил Роман Трофимович.

— А вот тут у тебя Марина какая-то была... — начала было Люция.

— Так, Люся, — строго сдвинул брови Баринов, — оставьте вы все Марину в покое! Дом оформлен на мое имя. Я не имел и не имею намерения дарить его или продавать.

— Понятно, понятно, — похлопала Люция по руке Баринова, чем вызвала крайнее раздражение. — Я это к тому говорю, что мужчины в возрасте часто совершают странные поступки.

— Люся, давай закончим этот разговор, — сказал Баринов. — Это дом Героя Советского Союза, подполковника Трофима Ильича Баринова. Так впрямь и останется. Я никому его не продам и не подарю. После моей смерти тут будет филиал краеведческого музея. Я об этом тебе сказал еще двадцать лет назад, и с тех пор решение не изменилось. Если ты ради выяснения отношений приехала, то могла бы не приезжать!

Люция выпрямилась и сверкнула густо подведенными очами.

— Да, я всегда считала, что отец меня обидел своим завещанием. И ты почему-то не хочешь ничего исправить. А мы ведь близнецы! Поче-

му ты совсем не ощущаешь нашего кровного родства? Даже имя изменил. Мы теперь не Рева и Люция! Ты всегда считал меня прагматичной стервой, дорогой братец, а себя романтичным бессребреником. Хочу тебе напомнить, — голос Люции зазвенел слезой, — ведь я тоже не забыла, что мой отец — Герой Советского Союза, и я многое сделала для увековечивания его памяти. И мемориальная доска на военкомате, и его имя на стеле Героев. Не ты этим занимался! Не ты!

— Надо же! — поддельно изумился Баринов. — А кто же, если не я? Я в райгазете работал. Бегал по всем инстанциям, спонсоров искал. Ты только прошение подписала.

— Неблагодарный! — Люция выпрямилась, одернула кофту и вышла из кухни, картинно всхлипывая.

— И библиотеку ты разбазарила, — крикнул ей вдогонку Баринов. — И планшет офицерский отцовский продала, и орден Красного Знамени! Хорошо, что Звезду Героя не продала!

— Мне кормить детей было нечем! — выскочила из комнаты Люция. — Я копейки в школе получала, по году зарплату в девяносто третьем году не платили. Это ты был у нас в шоколаде — заведующий отделом образования! Шишка на ровном месте. А я полы готова была мыть, чтобы кусок хлеба принести детям.

— Люция, каким детям? — Баринов даже завыл от презрения. — Это были дети твоего очередного сожителя, не твои!

— Нет моей вины в том, что я своих детей не родила! — Люция уже не кричала, а гремела. — Ты всегда попрекал меня бездетностью. Сам-то многодетный? Дочь одна, и той не нужен!

Скандал принимал безобразные формы, из комнаты выскочила Галина и начала всех успокаивать, но Бариновы успокаиваться не желали. Роман Трофимович кричал, махал руками. Люция брызгала слюной, трясла кулаками. Наконец, когда все угомонились, Баринов стал по привычке растирать кулю, а Люция села, всхлипывая, на кухонный диванчик, все еще пахнувший тиной, и сказала:

— Вот, приехала брата повидать. Как цербер на меня накинудся. А я хотела повесть его пристроить в издательство. Уже договорилась почти... Неблагодарный.

Когда Люция уехала, Галина сказала мужу с укоризной:

— Зря ты ей флешку отдал. Сколько раз она тебя обманывала? Никто твою повесть никогда не издаст, не нужен ты никому, и воспоминания твои не нужны! Ты — не Ольга Бузова, чтобы твои мемуары читали!

— Да, я не Ольга Бузова, — задумчиво протянул Баринов, несколько успокоившись. Он подозревал, что от обещаний сестры не будет толку, но почему-то отдал ей файлы с повестью, поверив в последний раз. Люция работала руководителем детской литературной студии в Курске, рецензировала рукописи в журнале местного отделения Союза Писателей. Она не столько имела вес в околосредовой среде, сколько любила напустить вокруг себя атмосферы таинственности и намекнуть на сопричастность к загадочным литературным «верхам». Наверное, Баринов надеялся на то, что его повесть хотя бы прочтут и дадут рекомендации для ее исправления. Может, что-то сократят, может, что-то перепишут. Он писал ее тринадцать лет, не веря в свое писательское предназначение, но лстя себя тщеславными мыслями. То доставал разрозненные листки, тетрадки и папки с материалами и работал долго и са-

мозабвенно, то вновь убирал их на несколько лет в дальний угол книжного шкафа. Галине его записки были не интересны, дочь выросла и уехала, и прочесть ей хотя бы главу, не удавалось. Друзья-приятели по редакции и школе о колясочнике и его проблемах забыли. Из читателей у него была только Маринка Хлопова, которая восторженно сказала ему по прочтении рукописи: «Круто, чесслово!» Но что с нее взять...

* * *

Галина прочно заняла свое место в доме Баринаова. Теперь, когда у Романа была диетическая пища трижды в день и уколы инсулина в положенные сроки, глаженое белье и прогулки на свежем воздухе, жизнь должна была наладиться. Но Роман необъяснимо для окружающих словно сдал свои позиции болезни. Все больше ощущал себя больным, немощным и состарившимся.

Галина тяготила его. Они почти семь лет прожили врозь, в новой семье у нее не сложилось, и она год мыкалась одна, не решаясь прийти назад к мужу. Да и много ли радости было в том, чтобы вернуться к капризному и пьющему калеке. Теперь же, когда Галина узнала о том, что жилой дом все-таки будет филиалом краеведческого музея, она и вовсе не видела смысла в том, чтобы «носить горшки» за бывшим мужем. Не уходила только потому, что думала переубедить Романа.

Баринов слышал, как она тихо разговаривала с дочкой по телефону, жалуясь на жизнь и решение Баринаова пустить все по ветру. Не бог весть какая избушка, но все-таки жилье и денег стоит, а деньги нынче не лишние. Баринов сжимал зубы и кулаки, но молчал.

— Хорошо тебе, я смотрю, вон щеки как порозовели, и отъелся, — похвалил Алексей Федорович пациента на очередном осмотре. — Сахар почти в норме.

— Да, хоть сейчас на ВДНХ.

— Не гневи Бога. Ты не один, Рева, это уже плюс.

— Не один, — подтвердил Баринов, — близкие решили меня докормить до гроба.

— Мне всегда не нравилось эти слова: «докормили», «доглядели», — усмехнулся Алексей Федорович понимающе. — Ну, так принято говорить в народе, что поделаться!

— Скорее бы уже все кончилось, — неожиданно для себя сказал Баринов, и по его спине пробежал холодок.

Он всегда гнал от себя мысль о кончине и чем старше становился, тем упорнее избегал разговоров о болезни, смерти, похоронах. Не любил шуток и анекдотов на эту тему. Алексей Федорович осматривал его вторую ногу и качал головой.

— У нас эндокринолог новый, Проклова, — сказал Алексей Федорович, ощупывая стопу и пропустив мимо ушей последнюю реплику Баринаова.

— Дома новы, да предрассудки стары, — буркнул Баринов, показывая своим видом, что лечиться он будет только у старого хирурга.

— А все же я талончик тебе принесу, раз ты приехал в больницу. Два раза тебе не ездить сюда, и может, польза какая-то от Прокловой будет.

Галина ожидала мужа в коридоре больницы. Сложив руки на полном животе, она сидела на скамейке, прислушиваясь к голосам за две-

рью. Галина стала худеть, воруячая неповоротливое тело мужа, купая его и обрабатывая рану, усаживая в инвалидное кресло, помогая одеться на прогулку. Ее мучило чувство застарелой вины: ушла от цветущего мужчины, а вернулась к старой развалине. Баринов потускнел, стал молчаливым, раздражительным, пристрастился к выпивке. В случившемся с Ревочкой Баринова винила прежде всего себя. Галина понимала, что ему грозит вторая ампутация, и ее нутро холодело при одной мысли о том, что предстояло пережить.

Алексей Федорович бодро выкатил старого друга в инвалидной коляске в коридор и сказал с деланной веселостью:

— Галочка, отвези нытика к эндокринологу в пятый кабинет на втором этаже, а сама вернись ко мне, чаю выпьем.

Бариновы поняли, что за улыбкой Алексея Федоровича кроется нешуточная тревога, но Роман только молча вздохнул и покатился по коридору, сопровождаемый женой.

Вернувшись в кабинет хирурга, Галина заплакала, закусив кончик шифонового шарфика, которым кокетливо украсила старый свитер в затяжках и катышках. Ей рисовались страшные картины.

— Неужели ничего нельзя сделать? — причитала она.

— Галочка, — сказал проникновенным голосом Алексей Федорович, — если бы Рева не набрал в молодости веса в сто сорок килограммов, да слушал бы мои советы о похудении, если бы не пил, если бы следил за здоровьем, не подорвал свое сердце, то... Это теперь он задним умом крепок, а я его еще пятнадцать лет назад предупреждал, Рева же только смеялся. Как его оперировать, если у него мерцательная аритмия? Еще один наркоз он может просто не пережить.

— Ну, а если сначала прооперировать сердце? — спросила вяло Галина.

— Я бы и квоту вам выбил, Галя, теперь это не проблема. Но операция на сердце — это тот же наркоз.

— Ну, что вот теперь делать? Сидеть и смотреть? — в отчаянии спросила Галина.

— А что я тебе могу сказать? Я и так говорю с тобой откровенно, потому что тысячу лет знаю тебя. Ну, можно попробовать иглоукалывание, травы. Кому-то помогает.

Галина махнула рукой и пошла по коридору в сторону лестницы.

* * *

Тянулись тоскливые дни ноября, чернота в пальце выше не поднималась, словно застыла на одном месте. Леночка нашла специалиста по китайской медицине и забрала отца в Ростов-на-Дону. В тесной квартирке дочери Галина и Роман Трофимович не уместились, и потому сняли жилье по соседству с дочкой. Накопления семьи таяли как первый снег. Ежедневные болезненные сеансы давали какую-то призрачную надежду на то, что болезнь отступит.

— Что же твоя Люция, обещала нам помощь со специалистами в Курске, а когда звоню, то и трубку не берет? — возмущалась Галина, вычитывая Романа, словно он был виноват в том, что его сестра такая непутевая.

— Это Люся! Чего от нее ждать? — отмахивался Роман. Он целыми днями приводил свой архив в порядок, терзая старый ноутбук. Тысячи

папок с набросками, начало без конца, конец без начала, заметки и записки, которые он вел многие десятилетия, не решаясь прочесть кому-то кроме Марины, не решаясь отослать в какое-то издательство. У Романа Трофимовича был неприятный опыт общения с издателями, вдвойне неприятный от того, что оплеуху он получил от знакомого. Редактор областного журнала «Вперед!», с которым вместе немало водки было выпито, снисходительно похлопал его по плечу и сказал: «А кто теперь не прозаик, тот, Ревочка, — поэт!», но рукопись даже не взял. Оставалось совсем немного: дописать эпилог и исправить явные ляпы в именах героев, когда второстепенный персонаж носил на одной странице имя Денис, а на другой — Даниил. Баринов читал свои записки и хмыкал, безжалостно выбрасывая в «корзину» ненужные файлы, пока его не оставила дочь.

— Зачем стираешь файлы? — удивленно спросила она. — Пригодятся еще!

— Информационный мусор, — безапелляционным тоном ответил ей Баринов и продолжил с упоением разрушать созданное им годами.

Он словно видел себя со стороны: доживающий и потухший циник, окруженный обреченным спокойствием домашних. От скуки Баринов задумывался о самоубийстве, но, зная свою слабость и трусость, он размышлял только о безболезненном уходе из жизни. Он утратил интерес к общению с покинувшими его друзьями и сослуживцами, перестал читать. Цены в книжных магазинах его пугали, а чтение в интернете утомляло глаза. Он сравнивал себя с мокрецом, описанным братьями Стругацкими, потому что чувствовал страшнейший эмоциональный и интеллектуальный голод, который не мог утолить. Иногда ему казалось, что он умрет не от диабета, а от того, что ему уже не доступно живое и доброе книжное слово.

Вечерами Баринов играл с внуком в дартс, прикрепив к двери мишень из плотной резины.

— Деда, я индеец — Зоркий Глаз, а ты? — спрашивал Трофим.

— А я — индеец Одноногий Чумичка, — грозным голосом отвечал Баринов, и Трофим весело смеялся.

Внук оставался единственным утешением в жизни Баринова. Гармонию в их отношениях нарушил случай, когда семья решила сфотографироваться в день рождения зятя. Выкатив деда-колясочника на середину комнаты, все сгруппировались вокруг него, и получили фотографию, в центре которой восседал одноногий дед, что не понравилось зятю. Было решено пересадить Романа Трофимовича на диван и прикрыть туловище ниже пояса пледом. Через десять минут, когда все угомонились и сделали снимок, Трофим с детской непосредственностью прокомментировал: «Вот, так лучше. А то мама выставит фотографию в социальную сеть, а там дед на коляске, нехорошо». Все переглянулись, но замечание малышу никто не сделал. Роман Трофимович просидел за праздничным столом буквой, ничего не ел, косясь на котлеты и картофельное пюре. Пожевав маринованный помидор, он поковылял на костыле в кухню, где из холодильника достал йогурт и жадно съел его, предварительно посолив.

Когда сеансы иглоукалывания закончились, зять отвез неблагодарного Баринова и Галину в поселок. Роман Трофимович смотрел в окно автомобиля, передвигаясь в плотном потоке на трассе М4 и уныло молчал. Мимо промелькивали голые рощи и посадки, казачьи станицы Ро-

стовской области, поклонные кресты у дороги и памятники советским воинам. Раньше он всегда заезжал на могилу к отцу, похороненному так далеко от родного поселка, но зять торопился, и Баринов даже не стал его просить заехать в Старочеркасскую.

Дом встретил сыростью и холодом, а также скорым гостем. К удивленному Баринову, не успевшему отдохнуть от поездки, пришла Маринка Хлопова. Она поправилась, под курткой был заметен округлившийся животик.

— Привет, — сказала она коротко, сняла куртку, бросив ее по обычаю на пол и села рядом со стариком.

— Не ожидал тебя увидеть, Маринка, рад очень, — улыбнулся Баринов.

— Я б сроду не пришла, обидела ваша дочь меня крепко, — сказала Хлопова безапелляционно, в своей обычной манере. — Но дело важное.

Сбивчиво Марина рассказала, что приехала хлопотать о доставке вещей в Калугу из своего старого дома, видно было, что на новом месте жизнь ее наладилась. Покрутившись вокруг и около, она достала смартфон из кармана и сунула его под нос старику. Тот не слишком понял, что Марина хотела ему показать, но пробежал взглядом страницу какогото сайта.

— И что? — спросил он в недоумении.

— Эх, Роман Трофимович! — с досадой ответила Маринка. — Не поняли? На этом сайте список авторов, произведения которых вошли в короткий список литературной премии «Золотой возраст». Там есть ваша сестра — Люция Баринава.

— Ой, ну я очень рад, — как-то по-детски отозвался Баринов.

— Чему вы рады, Роман Трофимович? Тому, как вас обкрадывают?

Маринка рассказала, что прочитала новость о премии в ленте новостей и, пройдя по ссылке, заинтригованная упоминанием знакомого имени. Так она набрела на сайт организаторов, а там был выложен знакомый текст «Сын героя», но только под чужим именем. Маринка показала Роману Трофимовичу на смартфоне, что в коротком списке премии «Золотой возраст» для авторов старше пятидесяти лет значится повесть «Сын героя», выставленная от имени Люции Баринавой с перечислением всех ее регалий. Дрожащими руками Баринов полистал страницы и отдал смартфон Маринке. Сомнений не было, Люция выставила повесть брата, дописав эпилог и исправив мелкие грехи текста.

Галина, подслушивавшая под дверью, не выдержала и вбежала в комнату к глупо улыбавшемуся Баринову и его протее.

* * *

— Вы адвокат Баринава? — спросил недовольным голосом представитель оргкомитета конкурса.

— Нет, я его жена, — с напором ответила Галина.

— Я бы мог вообще с вами не разговаривать, раз у вас нет полномочий, но я вам дам пояснения. Оснований для снятия произведения с конкурса не имеется. Ваш Баринов может защищать свои права в суде, а мы не разбираем вопросов, связанных с нарушением авторских прав.

— Но позвольте же, — начала было Галина, — какой суд? Все же очевидно!

— Что вам очевидно? — сухо и холодно спросил мужчина. — Если

у вас есть черновики, файлы, записки и наброски, свидетельства обнародования произведения — что угодно, — то вы можете защитить свои права в суде. Принесете нам решение суда — будем разговаривать на ином уровне. А так... Так каждый может заявить порочащие сведения об авторе и самой премии!

Галина повесила трубку и заплакала. К ее вороху проблем прибавилась еще одна, к решению которой она была не готова.

Леночка пыталась поговорить с Люцией, но та не брала трубку. Баринов лежал в больнице с экстремально высоким уровнем сахара в крови.

— Откуда вообще эта Маринка взялась на нашу голову! — с непостижимой женской логикой восклицала Галина.

— Мама, проблема совсем не в Маринке, а в тете Люции! Как ты это понять не можешь! — с жаром убеждала ее Леночка, но Галина и слушать ее не хотела, руководствуясь принципом «чего не вижу, того и нет».

Зять съездил в Курск, но получил отпор от тети и ее пузатого адвоката. Люция была готова к разговору.

«Я читала разрозненные наброски брата, который просил меня отредактировать книгу. Там и редактировать-то было нечего! Просто заметки, зарисовки, без сюжета и характеров героев. Но я благодарна Ревочке за то, что он подвиг меня написать свою книгу. Я написала новую повесть буквально «с нуля». Это мои воспоминания о брате, об отце, о своем детстве! Это моя кровная память сердца, которую вы, алчные родственники, решили захватить своими грязными лапищами!» — выкрикнула Люция и выставила посетителя вон.

Баринов предательство сестры не обсуждал, он замкнулся, затих и смотрел куда-то вдаль, словно сквозь стены, не слушая собеседников. Чернота второй ноги поднялась от пальца по стопе.

Алексей Федорович покачал головой и выписал направление в областную больницу. А там с Бариновым церемониться не стали и назначили дату новой операции.

— Один мужик решил собаке хвост купировать, но ему было жаль пса, и он отрезал от хвоста по кусочку, — мрачно шутил Баринов, заселяясь в вонючую палату второго отделения гнойной хирургии. Сосед по палате, тощий мужичонка без обеих ног со свежими повязками, порадовал Баринова экзотической фамилией. Над незадачливым Ротшильдом Баринов подшучивал до поздней ночи. Сосед, впрочем, веселья не разделял, а злобно посверкивал глазами в сторону Баринова, справедливо полагая, что скоро Баринова уравниют с ним в правах и укоротят его пыл в прямом смысле слова.

Леночка проплакала в кабинете молодого, но знаменитого хирурга, который обрисовал неутешительные перспективы лечения. Было решено привезти в больницу внука, позвонить Люции, в общем, собрать всю семью. На всякий случай.

* * *

Баринов лежал у окна четвертого этажа, и каждый день к нему прилетал упитанный краснопузый снегирь. Он клевал гречневую кашу и крошки хлеба, подолгу сидел на ржавом подоконнике, заглядывая мутным глазом в палату, через окно. Баринов постукивал по стеклу, пугая толстяка, но тот только отпрыгивал подальше, всегда возвращаясь на прежнее место.

— Я не даю своего согласия на операцию, — упрямо известил Роман Трофимович своего лечащего врача.

— Вы последствия понимаете? — спросил тот, поправляя очки. — У вас облитерирующие поражения сосудов конечностей. Начнется гангрена, и вы умрете.

— Мы все когда-нибудь умрем, — философски ответил Баринов молодому врачу. — У меня мерцательная аритмия, и я умру во время операции.

Врач поправил очки и сказал строго:

— Я вас выпишу под расписку, раз вы отказываетесь лечиться. У нас не хоспис, у нас больница, тут находятся пациенты, которые борются за свою жизнь.

— Вы читали рассказ Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича»? — спросил Роман Трофимович.

— Это неуместный вопрос, — ответил доктор и вышел в коридор.

* * *

Люция колебалась по поводу приезда на похороны брата. Все произошло слишком быстро, она и сориентироваться не успела. По жалобе в прокуратуру какой-то сельской дуручки, которая даже не была родственницей Бариновым, повесть «Сын героя» была снята с конкурса, оргкомитет не пожелал развития скандала вокруг престижной премии. Через три дня после этого унижительного и без сомнения скороспелого решения оргкомитета состоялось внеочередное собрание в местном отделении Союза Писателей, где Бариновой для начала погрозили пальцем. Люция с мигренью слегла дома, зашторив окна плотными занавесками. Смс-сообщение племянницы о смерти Ревы стало последней каплей в горестной чаше Бариновой. Она не хотела ехать и не могла не поехать. В итоге, не придумав ничего лучше, Люция легла в больницу и выложила на стене в соцсети сообщение об этом.

Ей незачем было ехать к брату, содержание его завещания она знала.

